

РЕЦЕНЗИИ

НЕДЗВЕЦКИЙ В.А. СТАТЬИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX ВЕКОВ

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА. ВОСПОМИНАНИЯ.

НАЛЬЧИК: ООО “ТЕТРАГРАФ”, 2011, 628 с.

Новая книга В.А. Недзвецкого – сборник статей, посвященных русской литературе и культуре XIX и XX столетий. Книга состоит из четырех разделов: в первый вошли статьи о классической литературе XIX в., во второй – о литературе XX в., третий составили публицистические работы, четвертый – мемуарные очерки.

Темы статей разнообразны, но все они объединены общей концепцией, точнее – общим взглядом на русскую культуру. Ее центр, ядро, по мысли В.А. Недзвецкого, классическая литература: для читателей XX–XXI вв., как и для современников Пушкина или Гончарова, она остается этическим ориентиром и эстетическим образцом. Поэтому обращение к ней позволяет понять ход отечественной истории, проникнуть в глубину национального характера; накопленный ею опыт становится основой творчества писателей XX века, а воплощенные в ней ценности способны объединить современное общество.

Эта мысль выражена уже в заглавии первой из включенных в книгу работ – “А.С. Пушкин как всемирный гений”, в которой В.А. Недзвецкий показывает, “что Пушкин как художник слова был признан явлением всечеловеческого масштаба и значения не только в свете творческих завоеваний его величайших отечественных преемников – Н. Гоголя, И. Тургенева, И. Гончарова, Ф. Достоевского, Л. Толстого и А. Чехова, – но уже *при своей жизни*” (с. 7; здесь и далее курсив в цитатах принадлежит автору – Л.Т.). Такое признание стало возможным благодаря творческому диалогу Пушкина и зарубежных писателей, чей художественный опыт был им не только воспринят, но и творчески переработан: это продемонстрировано в статье на примере романа в стихах “Евгений Онегин”, сопоставленного с поэмами Дж.Г. Байрона. Тему литературных связей Пушкина продолжает статья “Татьяна Ларина и “таинственный Сбогар”», в которой исследуются параллели между “Евгением Онегиным” и романом “Жан Сбогар” Ш. Нодье.

В сборник вошли две статьи о творчестве М.Ю. Лермонтова. Первая из них – “Поэт и его

судьба (“Смерть Поэта” М.Ю. Лермонтова)»: классическое стихотворение рассмотрено здесь как эстетический манифест, воплощение представлений Лермонтова о поэзии вообще и о месте поэта в мире. Вторая – “Герой нашего времени”: становление жанра и смысла». В ней показана сложность жанровой природы этой книги (В.А. Недзвецкий подчеркивает, что именно так – книгой, а не романом – называет произведение сам автор). По мнению исследователя, в “Герое нашего времени” выразился драматизм, свойственный всему творчеству Лермонтова: «эпическое начало в “Герое нашего времени” глубоко и многообразно драматизировано» (с. 84).

Тему становления романной формы в русской классической литературе развивает статья “Мертвые души”: замысел и драма художественной проповеди». Эволюцию замысла поэмы, по В.А. Недзвецкому, определило диалектическое взаимодействие двух начал: эпического и романного. Замысел предполагал движение между этими полюсами: в первом томе происходила эпизация романа, во втором – романизация эпоса, а третий том должен был стать снова эпическим; однако эта жанровая задача оказалась неразрешимой, что и сделало невозможным завершение задуманной Гоголем книги.

Ряд статей сборника посвящен творчеству И.А. Гончарова и И.С. Тургенева. По мысли В.А. Недзвецкого, для их творчества характерна, прежде всего, *онтологическая* проблематика: они задаются философскими вопросами – о природе человека, о его месте в мироздании. Такая трактовка противостоит социологическому редукционизму советского литературоведения, нередко стремившегося свести проблематику реалистического романа XIX века лишь к социальным вопросам.

Первая из этих работ – “И.А. Гончаров и русская философия любви”. Здесь подчеркнута значение любви как центра его художественного мира: “любовь, верно понятая и исполненная, выступает у Гончарова, так же, как затем у Вл. Соловьева, условием и средоточием добра, истины и

красоты" (с. 114); в таком ее понимании Гончаров предвосхищает искания многих русских философов XX века.

В статье «“Фрегат Паллада” И.А. Гончарова как географический роман» предлагается новая интерпретация жанровой природы этой классической, но еще недостаточно исследованной книги. По мнению В.А. Недзвецкого, она выходит далеко за рамки жанра путевых заметок: романом ее делает художественное переосмысление увиденных автором картин. За бытовыми деталями Гончаров видит черты национального характера, а за ними – универсальные психологические типы, причем те же, которые он исследовал в романной “трилогии” – в “Обыкновенной истории”, “Обломове” и “Обрыве”. Это, условно говоря, тип созерцательный и тип деятельный – две крайности, требующие синтеза. Поэтому образы национальных культур в книге Гончарова составляют диалектические триады: Англия – Мадера – Капская колония, Япония – Шанхай – Корея и, наконец, итоговый синтез – образ Сибири.

Философскую линию интерпретации творчества Гончарова продолжает статья «Тоска Ольги Ильинской в “крымской” главе романа “Обломов”: интерпретации и реальность». В ней выявляется метафизическая проблематика романа. В.А. Недзвецкий доказывает, что Ольга задается философскими вопросами, стремится к единению с Вселенной – к бессмертию: «По мысли Гончарова, Ольга, познавшая “мятежные вопросы” человеческого бытия, постигла и красоту великого гуманистического дерзания» (с. 169).

Еще одна работа – «Печальная летопись И.А. Гончарова (“Необыкновенная история”)» – посвящена известному спору Гончарова и Тургенева, причиной которого стало сходство некоторых образов и сюжетных положений романов “Дворянское гнездо” и “Накануне” с персонажами, сценами и конфликтами “Обрыва” в его первоначальном “плане”, о котором рассказывал Тургеневу автор. В.А. Недзвецкий не только систематизирует факты, но и предлагает решение давней литературоведческой проблемы – не биографическое, а поэтологическое. По его мнению, оба писателя шли общим путем творческого поиска, стремясь выразить в жанре романа поэтическое начало, и, парадоксальным образом, именно «типологическая близость художников, а затем и их литературное соперничество в конечном счете и придали “обмену мыслей” (Тургенев) в этой сфере между ними уже известный нам вид драматической распри» (с. 187).

Статья «В мире человечества и природы (“Записки охотника” И.С. Тургенева)» заставляет по-новому прочитать известный уже школьникам цикл очерков. Антикрепостнический пафос очерков Тургенева не подлежит сомнению, но, как доказывает В.А. Недзвецкий, их содержание глубже: чтобы продемонстрировать это, он сравнивает “Записки охотника” с повестями Д.В. Григоровича “Деревня” и “Антон Горемыка”. Вызвать сочувствие к героям (что делает и Григорович) – этого Тургеневу недостаточно: ему важно показать читателю, что крестьянин такой же человек, как он сам, и потому глубоко символично сравнение Хоря и Калиныча с Гете и Шиллером, которое было сделано в первой публикации очерка, открывающего “Записки”. Социальное начало не устраняется, но отходит на второй план, уступая место общечеловеческому.

Онтологический смысл любви в художественном мире Тургенева раскрывается в работе «Любовь – крест – долг... (повесть И.С. Тургенева “Ася”)». По словам В.А. Недзвецкого, «герои Тургенева надеются гармонично объединить духовную и практическую <...> стороны бытия, его “поэзию” и “прозу” в своем повседневном существовании. Примирителем названных начал и видится им та высокая любовь, которой они, как правило, остаются верны до конца» (с. 213). Однако это стремление не может достигнуть цели (так как его цель – бесконечность, бессмертие), и потому любовь, в которой оно находит выражение, у Тургенева всегда трагична.

Та же коллизия лежит в основе романа “Отцы и дети”, однако в нем универсальная, онтологическая проблематика переплетена с конкретно-исторической. Статья о нем названа «Русский позитивист на rendez-vous. “Отцы и дети” И.С. Тургенева»: В.А. Недзвецкий показывает, что Базаров – не кто иной, как позитивист; именно эта популярная в его эпоху философская система отрицала значимость метафизических вопросов. «В своей основе, – пишет В.А. Недзвецкий, – конкретно-исторический конфликт “Отцов и детей” состоит в противоборстве полярно несхожих миропониманий: метафизического, свойственного Кирсановым как “людям сороковых годов”, и позитивистского, отличающего Базарова как человека годов шестидесятых» (с. 231). Но в романе есть и другой конфликт – философский: это столкновение человека «с “темными и глухими” законами мироздания» (с. 243), в существовании которых Базарова убеждает любовь. Именно этот трагический конфликт оказывается в романе центральным.

Включена в сборник и статья, посвященная “Стихотворениям в прозе” Тургенева. В.А. Недзвецкий отмечает, что в этом позднем цикле лирических миниатюр сосредоточена онтологическая проблематика всего творчества писателя, и определяет общую “сверхтему” цикла – “о жизненной участи не дюжинной или пошлой, а душевно и духовно яркой человеческой индивидуальности” (с. 248). Анализируя композицию цикла, исследователь доказывает, что она глубоко неслучайна: чередование оптимистических и трагических мотивов придает циклу в целом элегическое звучание.

В статье «Литературные “отцы” и “дети” в России 1860-х годов» дан очерк литературной жизни середины XIX века – до и после реформы 1861 года. В.А. Недзвецкий показывает, что литературная ситуация в это время определялась противостоянием двух “культурно-исторических генераций”: это были “люди сороковых годов” и “шестидесятники” (с. 263). Их противостояние было не только идейно-политическим, но и эстетическим: по-разному понималась природа искусства, его задачи. Первые – И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, С.Т. Аксаков, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, А.Н. Майков, А.К. Толстой – художники-“онтологи”: для них, воспитанных на немецкой классической философии, важна была, прежде всего, философская, а не социальная проблематика искусства; они чуждались дидактизма, который, с их точки зрения, был несовместим с подлинной художественностью. Напротив, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.Г. Помяловский, Ф.М. Решетников, Н.В. Успенский, В.А. Слепцов придерживались материалистических взглядов и считали общественную борьбу важнейшей задачей искусства: их творчество В.А. Недзвецкий, пользуясь формулировкой В.Г. Белинского, обозначает как «поэзию гражданского пафоса и “социальную беллетристику»» (с. 265).

Однако синтез этих двух творческих установок был, по мнению ученого, достигнут Н.А. Некрасовым. Об этом свидетельствует его эстетический манифест – стихотворение “Поэт и гражданин”, которое проанализировано в следующей статье сборника. Здесь показано, что, идеал Некрасова – жизнетворчество: некрасовский Поэт-Гражданин хотел бы своей поэзией творить жизнь как искусство – “по законам красоты” (с. 305).

В книгу вошло несколько работ о творчестве Ф.М. Достоевского. В первой из них рассматриваются две его ранние повести – “Бедные люди” и “Слабое сердце”, создававшиеся в эпоху расцвета “натуральной школы”. “Бедные люди”, как

известно, были опубликованы в “Петербургском сборнике”, ставшем одним из ее манифестов. Однако В.А. Недзвецкий показывает, что уже в раннем творчестве Достоевского начала формироваться концепция личности, принципиально иная, нежели та, из которой исходили писатели “натуральной школы” – Д.В. Григорович, Е.П. Гребенка, Я.П. Бутков. Основа их литературной антропологии – социальный детерминизм: личность у них не только зависима от среды, но и всецело определена средой. У Достоевского иначе: как бы ни был унижен герой, он сознает себя прежде всего человеком, индивидуальностью. Самосознание человека оказывается для писателя важнее социальных обстоятельств его жизни; на смену социологической трактовке личности приходит психологическая.

Такая концепция личности приводит Достоевского к отрицанию социалистических идей, которыми он увлекался в юности. Это показано в работе, посвященной “Запискам из Мертвого дома”, которые В.А. Недзвецкий рассматривает как своеобразную антиутопию. Он демонстрирует, что Достоевский изображает каторгу как общество равенства, где подавляется личностное начало, и именно это оказывается для каторжников самым тяжким испытанием. Каторга парадоксально уподобляется фаланстеру социалистов-утопистов; ее образ становится наглядным опровержением социалистических теорий, так как они приносят в жертву материальному благополучию индивидуальность человека – то, от чего, по мысли Достоевского, он никогда не сможет отказаться.

Две статьи посвящены великим романам Достоевского – “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Бесы”, “Подросток”, “Братья Карамазовы”. На этом материале В.А. Недзвецкий делает вывод о художественной задаче, которую ставит перед собой писатель: эта задача – преобразование мира средствами искусства на началах христианской нравственности. Поэтому его романы проникнуты мистериальным началом: они призывают читателя к духовному действию – к работе над собой в эстетическом и нравственном сотворчестве с автором.

В следующей статье, названной словами Л.Н. Толстого – “«Захватить все» (Чем жив герой русского классического романа)», дается общий обзор проблематики этого центрального в русской литературе жанра. Его общая содержательная черта – универсализм, стремление к всеохватности и полноте бытия, выраженное в труднопереводимом на иностранные языки понятии *соборности*; в статье показано, как именно

эта общая творческая тенденция реализуется в произведениях Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Тургенева, Толстого, Достоевского.

Завершает раздел сборника, посвященный русской литературе XIX века, статья «Право на пресмыкательство (“Смерть чиновника” А.П. Чехова)». В ней показано, как Чехов реинтерпретирует традиционный для русской литературы образ чиновника – “маленького человека”, восходящий к “Станционному смотрителю” Пушкина, “Шинели” Гоголя, “Бедным людям” Достоевского. Если прежде авторы сочувствовали своим героям, видя в них в первую очередь не чиновников, а людей, то Червяков в рассказе Чехова – чиновник, и только; никто не унижает его – он сам стремится к унижению и потому никакого сочувствия не заслуживает.

Во второй раздел книги – “Русская литература XX века” – вошли четыре статьи. Первая из них – «Роман Е.И. Замятина “Мы”: временное и непреходящее». В.А. Недзвецкий сосредоточивает внимание не на актуально-политическом значении произведения (хотя оно, несомненно, отразило некоторые тенденции развития советского государства), а на его универсальном, антропологическом смысле: Замятин, как прежде Достоевский, размышляет о дегуманизации общества, нивелирующего индивидуальность человека якобы для его же блага, о свободе выбора и о порабощении людей под видом заботы об их благополучии, о перспективах развития технической цивилизации и психологических предпосылках тоталитаризма – о тех опасностях, с которыми, как показала история XX века, еще предстояло столкнуться не только России, но и человечеству в целом.

Вторая статья посвящена новеллистике Ю.П. Казакова. В.А. Недзвецкий отмечает ее лиризм и, главное, выразившееся в ней личностное начало – черту нечастую в ограниченной идеологическими барьерами литературе советских лет.

Общая тема двух последних статей раздела – “деревенская проза”: тетралогия Ф.А. Абрамова “Пряслины” и цикл “Воспитание по доктору Споку”. В.И. Белова. В.А. Недзвецкий демонстрирует, как раскрыты в этих произведениях две грани общей для “деревенской прозы” социокультурной проблемы: в тетралогии Абрамова показано постепенное разрушение традиционного крестьянского уклада, причиной которого стало непомерное бремя, возложенное на народ государством, а в цикле рассказов Белова отражен итог этого процесса – распад семьи, упадок нравственности.

Третий раздел сборника – “Публицистика”. Он открывается очерком, посвященным обстоятель-

ствам выхода в свет в 1968 г. книги Г.Д. Гачева “Содержательность художественных форм”, редактором которой был В.А. Недзвецкий. Книга подверглась необоснованным, несправедливым нападкам официозной критики и партийной бюрократии, от которых В.А. Недзвецкому пришлось ее защищать; дополняя помещенные выше работы о советской литературе, этот очерк напоминает читателю о сравнительно недавнем прошлом, определившем то состояние, в котором сейчас находится российское общество.

Далее помещена статья “Религиозное литературоведение: обретения и утраты”. Признавая значение многих открытий, сделанных представителями этого течения отечественной гуманитарной науки рубежа XX–XXI вв., В.А. Недзвецкий вместе с тем предупреждает об опасности абсолютизации религиозного начала в литературе и науке, напоминая: литература – прежде всего *искусство*, ее подлинная сущность – художественная, и забывать об этом – значит нивелировать различия между литературой и другими формами творчества, игнорировать специфику литературы, а следовательно, и литературоведения, которое при этом лишается собственного предмета.

О современном состоянии общества и культуры говорится в следующих трех статьях: “Нравственное оздоровление – залог национальной безопасности”, “Без Л. Толстого и Чехова...”, «Стихотворение И.С. Тургенева “Русский язык” и нынешняя лингво-культурная ситуация в России». Они звучат как предупреждение: общество в опасности, так как нет большего зла, чем утрата ценностей, упадок нравственности, а к этому ведет кризис культуры, деградация языка. Противостоять этому должны прежде всего филологи, которым доверено сохранять то, что на протяжении многих лет поддерживало и спланивало культуру России, – великую русскую литературу.

Завершают книгу два мемуарных очерка: о детстве и юности автора – о Великой Отечественной войне и о Московском университете времен “оттепели”. Их связывает эмоциональный контраст: вслед за трагической эпохой испытаний приходит радостное время надежды на будущее. В то же время единым остается принцип повествования: сквозь автобиографизм проступает историческое обобщение, опыт очевидца оказывается самым верным свидетельством об истории страны.

Как видим, вошедшие в сборник статьи, разные в тематическом и жанровом отношении, внутренне едины. И это во многом определяет несомненную научную значимость книги В.А. Недзвецкого.

Л.А. Трахтенберг